

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	6
ИКСЫ И ИГРЕКИ	8
КОРМЛЕНИЕ ПО НАУКЕ	15
БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА	23
ПРОГНОЗЫ ОТМЕНЯЮТСЯ	45
ПРОГНОЗЫ ОТМЕНЯЮТСЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	60
БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ	73
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОМАХИ	90
ДЕТСКИЙ САД	117
БАБУШИНСТВО	143
БАБУШИНСТВО (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	168
МЕКСИКА	189
ИСПЫТАНИЕ	201
ХОЧУ СОБАКУ	226
СДЕЛАЙ СЕБЯ САМ	263
ДРУЖБА И УЧЕБА	277
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	294

*Моей семье
Родным – здравствующим и ушедшим
Тем, кто появится на свет
и продолжит наш род*

ОТ АВТОРА

Самые популярные вопросы писателям: «Почему вы начали писать?» и «Откуда вы берете сюжеты?» Космонавтов или летчиков не спрашивают, почему они летают. И так ясно: с детства мечтали. С писателями то же самое: многолетний неукротимый зуд марать бумагу. Когда я говорю, что сюжеты придумываю, что фантазирование — самая интересная часть работы, мне, похоже, не очень верят. Хотя лукавлю я всего на один процент: девяносто девять процентов — моя выдумка, один процент, чуть-чуть, — подсказки из жизни. В свою очередь, в этом одном проценте громадная доля принадлежит подсказкам из жизни двух моих сыновей, чье детство — неистощимый источник моего вдохновения.

В жизни всякого человека есть свои «до» и «после». До написания романов я занималась воспитанием мальчиков. После того, как младший сын поступил в университет, всерьез занялась писательством. Когда в семье два журналиста, не хватает только писателя. Потому что журналисты большей частью пишут дома, ночью, на кухне, а самая бла-

гостная обстановка в семье, как известно, бывает, если работу не тащат домой. В этом отношении повезло металлургам и артиллеристам. С другой стороны, вот уже восемь лет я наслаждаюсь возможностью ходить на работу в комнатных тапочках — к письменному столу.

Когда мои дети были маленькими, я терзала друзей и знакомых рассказами о проделках своих сыночек. И однажды мой учитель от журналистики Юлий Васильевич Сафонов сказал: «Тебе надо писать книги про счастливых матерей и детей, про счастливые семьи». В ответ я помотала головой: «Про счастливых писать неинтересно, да и трудно. Когда нет драмы, страстей и противостояний — про что вести речь? Сюжет держится на конфликте, а в счастливой семье можно найти только самый скучный из конфликтов — хорошего с лучшим». Но спустя много лет я обнаружила, что единственные герои, мне интересные, — это добрые, простые, душевные люди. Не злодеи, не убийцы, не воры и прочие преступники, а люди с неизвращенным понятием о чести, долге и ответственности. Этих героев рождала моя авторская фантазия, но и в реальной жизни их — подавляющее большинство.

Взявшись за книгу про взросление сыночек, я не стремилась ответить на вопрос: «Как надо воспитывать мальчиков?», а только написала, как у меня получалось справляться с их трудными характерами.

ИКСЫ И ИГРЕКИ

О дочери я, кажется, начала мечтать, первый раз взяв в руки молочно-резинового пупса. Играла в куклы едва ли не до десятого класса. Потом мои любимцы долго покоились в пыльных коробках, пока не сгнули при очередном переезде. С годами мечта только крепла.

Когда у меня родилась внучка и я первый раз ее увидела — семидневную, черноволосенькую, с красным младенческим личиком, — спящую в коляске на лоджии в квартире родителей невестки...

Разрыдалась:

— Я мечтала о тебе пятьдесят лет!

За спиной раздался недоуменный шорох непроносимых мыслей родных и близких. Пятьдесят лет — это слишком! Ей (мне) всего-то чуть за полтинник.

Именно так! Мне всю сознательную жизнь казалось: если удастся повторить мое общение с мамой, пред которым меркнут любые высокие слова, с которым не могут сравниться никакие дружбы, — жизнь моя пойдет правильно, состоится.

Не вышло.

Родился первый сын. Ладно, мужу приятно. Мужчины почему-то до сих пор пребывают в средневековом стремлении иметь наследника. Хотя не короли и не магнаты. На самом деле, грезят о преемнике. В высоком смысле — ученике, преемнике идей и теорий. Родные дети, как правило, преемниками не становятся. На них столько времени убьешь, пока научишь утром и вечером зубы чистить, домашние задания исправлять, что уж не до теорий.

В период второй беременности уже появилось ультразвуковое исследование.

Водит доктор по моему большому животу приборчиком и спрашивает:

— А вас не интересует: мальчик или девочка?

— Спасибо, я знаю.

— Как угодно.

Решил, видимо, что я из тех невежд, что определяют пол ребенка по форме живота. Но я руководствовалась совершенно другим. Во-первых, немного нагрешила, чтобы провидение обошлось со мной сурово. Во-вторых, уж сколько месяцев наблюдаю, как родня в застолье поднимает тосты за мою грядущую девочку:

— Теперь — за Тонечку!

И все дружно сдвигают рюмки, бабушки затыкаются, хотя принесли чай с домашними тортиками и были готовы решительно пресечь излишнее потребление спиртного. Но за Тонечку — это святое.

Выбранное имя — Тоня — в честь бабушки мужа, которая умерла незадолго до моего появления в их

семье. Я столько добрых слов слышала о бабушке Тосе, что считала справедливым отдать дань её памяти. Да и нравилось обилие вариантов: Антонина, Тоня, Тося, Тонюля.

Тонюля практически жила в нашей семье. Когда меня тошнило по утрам, муж говорил: «Тоська чего-то несвежего поела». Старший сын, трехлетний Никита, постоянно тыкал в мой живот и спрашивал: «А что сейчас Тоня делает?» В зависимости от времени суток, Тоня призывала его убрать игрушки, или не размазывать кашу по тарелке, или отправляться спать без хныканья и капризов.

Из-за сложностей со здоровьем меня уехали в больницу за месяц до родов. В те времена общение с пациентками дородового отделения и роженицами было как с заключенными в тюрьме. Проще говоря, совершенно не было. Свидания отсутствовали, разрешалось обмениваться записками и видеть друг друга издали. Женщины прилипали к окну на пятом этаже, родные, задрав головы, стояли на земле. Летом спасали открытые форточки, зимой мучило отсутствие навыков общения глухонемых.

Никите тем холодным декабрем страшно надоело каждый день ездить с бабушкой или с папой к больнице, смутно видеть меня в окне пятого этажа.

Поэтому он вопил:

– Мама, выходи! Покажи Тонечку!

Как-то в нашу палату заглянула терпивица из соседней палаты. То есть – женщина на сносях, которая чувствует себя нормально, но анализы плохие, и врачи предпочли замуровать ее в госпитальных стенах.

Подошла к окну и протяжно, с тоской унылой, проговорила:

– Вот опять этот мальчик в черной шубке. Сейчас будет Тонечку просить.

И тут же звонкий Никитин голосок, долетев, ударил в стекла:

– Мама! Мама!

Подскочив к окну, я развела руки в стороны: никаких изменений.

– Где Тонечка? – орал Никита. – Сколько ждать? Чего она там сидит и не вы рождается?

И вот, наконец, роды.

У меня еще зеленые круги перед глазами, дыханье как у тяжелоатлета, который без перерыва штанги рвал.

– Мальчик, – говорит акушерка.

– Ош-ош-баетесь, – возражаю, заикаясь.

– Смотри! – Ребеночку задирают ноги, показывая неопровержимое доказательство.

– Вс-вс-все равно! – упорствую я. – Де-де-девочку хочу!

– А этого куда денем? – веселясь, спрашивает врач акушерку.

– Может, обратно затолкаем? – подхватывает акушерка. – Авось рассосется.

Потом они возьмется со мной, с ребеночком и говорят о том, что на нас не угодить. Вот туркменка Зыба у них седьмую девочку рождает. Муж Зыбы сына хочет, а туркменка каждый год по девичке выдает. Он ей ультимативно заявил: будешь рожать до мальчика, хоть два десятка. Двадцать погодков-де-

виц в малогабаритной квартире – это, конечно, впечатляет.

Был поздний вечер, акушерка откликнулась на просьбу позвонить ко мне домой и сообщить о новорожденном.

Дальнейшее я знаю в пересказах.

Муж положил трубку, забыв поблагодарить. Уставился тупо в стенку. Мама, тетя, двоюродная сестра, свекор, который у нас гостил, смотрели на него выжидательно. Муж молчал.

– Наташа родила? – потеряла терпение сестра.

– Да, – пробормотал муж.

– Она жива? – напряглась мама.

– Да.

– А ребенок?

– Три восемьсот. Но мальчик.

– Опять? – ахнула сестра.

Некоторое время все переваривали информацию. Более всего их заботило мое душевное самочувствие: Наташа так мечтала о девочке. Словно ребенок – это новогодний подарок, выписанный по каталогу.

Паузу нарушил свекор, разумно спросивший:

– За внука и не выпьем?

Его поддержали. В смысле – поставили на стол резервную бутылку хорошего коньяка.

Наутро, физически пребывая в ослабленном состоянии, но морально – в клокочущем, я написала мужу злую записку. Я тебе не туркменка Зыба! Прекрасно знаю, что пол ребенка полностью зависит от мужчин! Они, конечно, не вольны управлять своими хромосомами. И все-таки пусть несут ответственность!

«Ты мне что обещал? — в частности, писала я. — Прежде чем обещать, сделал бы анализ! У тебя избыток игреков в хромосомах при трагическом недостатке иксов! Не то что у туркмена!»

Муж ответил, в частности: «Про туркмена не понял. Наш век — век специализации. Специализация — гарантия качества. Мы специализируемся на мальчиках».

Как в воду глядел.

Забегая вперед, скажу, что младшенький, Митя, с пеленок проявлял недюжинные интеллектуальные способности. Я сделала все возможное, чтобы затормозить его развитие, не превратить в вундеркинда, обеспечить счастливое детство. Но Митя все-таки перепрыгивал в школе через класс и в пятнадцать лет поступил на факультет вычислительной математики МГУ, который блестяще окончил.

Я крестилась:

— Господи, спасибо, что мальчик! Рост метр девяносто восемь, центнер веса, ум развитый, знания обширнейшие, чувство юмора убийственное. Будь он девочкой — никогда бы замуж не выдали. Кто бы взял?

С Никитой, старшим, та же картина. В девичьем обличье это была бы красotka-модель: длинноногая, с двумя образованиями — юридическим и экономическим, с успешной карьерой и большими претензиями. Она разбивала бы сердца, перешагивала через поклонников и в итоге вышла бы замуж за проходимца с хорошими актерскими способностями.

А у нас сложилось — счастливо! Мальчики выбрали девочек, в которых я души не чаю. Не совсем чтобы

дочери, но периодически хочется выхватить их, оторвать, чтобы пожили с нами, забыли про всех, принадлежали бы только мне с мужем. Вставали бы утром, со сна с пухленькими щечками, брели на кухню, наливали чай, отхлебнув, оставляли, шли в ванную и сидели там по часу (что столько времени отмывать?). Выходили, я новый чай грела бы. Они не давились бы моими бутербродами и яичницами, а капризничали:

– Сколько раз повторять? Только обезжиренные сливки надо покупать.

– Если из сливок убрать жир, – ворчала бы я, – то это будут вовсе и не сливки, а молочное пойло.

Легко ворчать на дочь. Но свекрови ворчать на невестку – записать себя в зануды.

Потом они собирались бы на работу. И по дому растекался бы чудный запах: духов, косметики – и чего-то неуловимого, юного и прекрасного, будоражащего, хмельного и отчасти нервного, эмоционального, – что может источать только красивая молодая женщина.

Но до невесток еще требовалось дожить.

Когда Митю принесли домой, развернули, Никита посмотрел на брата и сказал, скривившись:

– Обещали Тонечку, а тут пельмень какой-то. Хотите, два дня в углу простою? Только поменяйте на Тонечку.

Его в пять глоток стали убеждать, что братик – даже лучше, чем сестричка.

На что Никита справедливо заметил:

– А зачем все время про Тонечку разговаривали?